

Татьяна
Иосифовна
БОРКО

ИЗБЕЖАТЬ САКРАЛЬНОГО

Автор предполагает, что основная функция обрядовых празднеств заключается в том, чтобы оградить человека от встречи с сакральным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

обряд, праздник, нуминозное чувство, священный трепет.

Отмеченная исследователями устойчивая ассоциативная связь между сакральным и праздничным до сих пор господствует в нашем сознании, несмотря на то, что священному уже нет места в современном мире, а праздность становится обычным состоянием, достичь которого желает каждый. Может быть, связь эта обусловлена тем, что на противоположном полюсе и у сакрального, и у праздничного — обыденность и повседневность. А может, тем, что есть некий архетип сознания, в котором оба эти качества сопряжены в одну структуру, существуют только вместе.

Если говорить об архаических временах, то взаимобусловленность двух факторов представляется закономерной. К сакральному прибегали, когда необходимо было отметить особо важные моменты жизни, и по причине чрезвычайной эмоциональности они должны были остаться в памяти. Именно в силу причастности к сакральному события становятся значимыми, обретают ценность. В религиоведении понятие чувства священного или нуминозности ввел феноменолог Р. Отто. Под чувством нуминозности он подразумевал некую «новую функцию человеческой души», проявляющуюся как предчувствие таинственного, необъяснимый трепет, одновременно восхищение и ужас, чувство опасности и восторга, экстатичность, страстность. «Из этого «трепета» и его грубой формы, из этого однажды зародившегося первого прорыва чувства «жуткого», возникшего в душах первобытных людей, исходило все развитие истории религий», — пишет автор [Отто 2003: 120]. То есть, по

мнению Р. Отто, нуминозное чувство является основанием для всех дальнейших форм религиозного культа. Прикосновение к тайне порождает момент величия и понимание собственной ничтожности, открывающие путь к религиозной покорности.

Истоки нуминозных переживаний психолог религии В. Вундт видит в аффективных состояниях, общих для психологии человека, независимо от географии, исторических периодов, принадлежности к этносу. Он утверждает: «Чем сильнее необычное возбуждение, тем более оно воспринимается как некоторое чуждое духовное существо». Аффективное сознание не различает субъект и объект в силу того, что в аффекте собственные эмоции человек проецирует вовне, наделяя ими предметы окружающего мира. Таким образом, проявление чувств и способность мыслить становятся свойствами любого природного объекта, почему он и воспринимается как живой. Аффективные состояния дают своеобразный опыт, отличающийся от переживаний человека с рациональными установками и дискурсивным мышлением. Отдельные эмоции в аффекте не дифференцированы, не имеют нюансов и не образуют последовательную цепочку ощущений, сменяющих друг друга. Они проявляются одновременно и с чрезвычайной полнотой, усиливая друг друга по контрасту и перетекая в свою противоположность. Безграничные ужас и восторг, ненависть и притяжение, любовь и отвращение, брезгливость и любопытство сливаются в одно необъяснимое, иррациональное и очень насыщенное чувство. Из этого опыта столкновения с неизвестным, встречи со скрытыми стихиями рождается образ безликих нуминозных сил, которые затем персонифицируются в облике определенных сверхъестественных персонажей (духов и богов).

Причастность человека к сакральной сфере удостоверяют обряды, обозначающие присутствие нуминозных сил здесь и сейчас (в момент проведения ритуальных действий). Собственно ритуалы и составляют основу древних празднеств, включающих наряду с торжественным почитанием богов разного рода состязания, совместную трапезу (пиршество), пляски и церемониальные шествия, ряжение и манипуляции с масками. К. Альберт [Albert 1982] указывает, что греки считали праздниками такие периоды времени, те необычные дни, в которые обнаруживалось присутствие божественного бытия. Через религиозный культ человек время от времени тоже мог участвовать в празднике, то есть приблизиться к жизни богов, к тому существованию, которое ведут на вершине Олимпа Зевс и его приближенные.

Можно предположить, что во время празднеств человек стремится уподобиться небожителям, подражает им. В пользу этого предположения свидетельствуют ритуалы мистов, в которых разыгрывались представления на сюжеты из жизни богов. Благодаря Геродоту известно, что во время тайных обрядов Сешета в Египте жрец и жрица, отождествляя себя с Осирисом и Исидой, изображали сцены с умерщвлением и воскрешением бога. Завер-

Сакральное и праздничное пространства

шались празднества имитацией иерогамного брака божественной пары и грандиозным пиршеством в ознаменование их священного союза. Мало что известно о порядке мистерий, посвященных Дионису-Аполлону в Дельфах или проводимых в честь Деметры и Персефоны в Элевсине. Однако по разного рода намекам и упоминаниям понятно, что зрители-участники, наблюдающие за священнодействием, исполняемым жрецами-актерами, отождествляли себя с богиней или с каким-то иным объектом культа и через эту трансформацию испытывали катарсис, обновление [Кереньи 2000].

В древневосточных деспотиях многие празднества не входили в ряд мистерий, круг их участников был значительно шире. Например, в дни празднования нового года процессия, возглавляемая царем, олицетворявшим бога, вступала в битву с силами хаоса, представленными другой группой участников, ряженных в маски духов. После победы царь-жрец вступал в иерогамный брак с жрицей (богиней), затем происходило определение судеб (гадание) и всеобщее пиршество. Подобный сценарий, по утверждению М. Элиаде, зафиксирован в египетских, месопотамских, хеттских, угаритских документах [Элиаде 2002: 73]. Возможно, космогонический сюжет битвы между демиургами и силами хаоса нашел дальнейшее воплощение в празднествах в честь богов, включающих спортивные соревнования (например, Олимпийские игры в честь Зевса, или Немейские в честь Геракла). Вероятно, тризна, завершающая погребение у славян, или греческие состязания воинов после сожжения умершего на погребальном костре (достаточно подробно описанные Гомером в Илиаде (Песнь 23 «Погребение Патрокла. Игры»)) имеют ту же семантику. То есть, в основе ритуальных сражений и состязательных игрищ находится мифологема битвы сил хаоса и божественных сил порядка. Даже сегодня многие праздники сопровождаются различными конкурсами, подчас шутливыми, и, конечно, не подразумевающими сражения между светом и тьмой. Но и в них присутствуют соревновательный дух и желание затмить соперника — рудиментарные формы архаических времен.

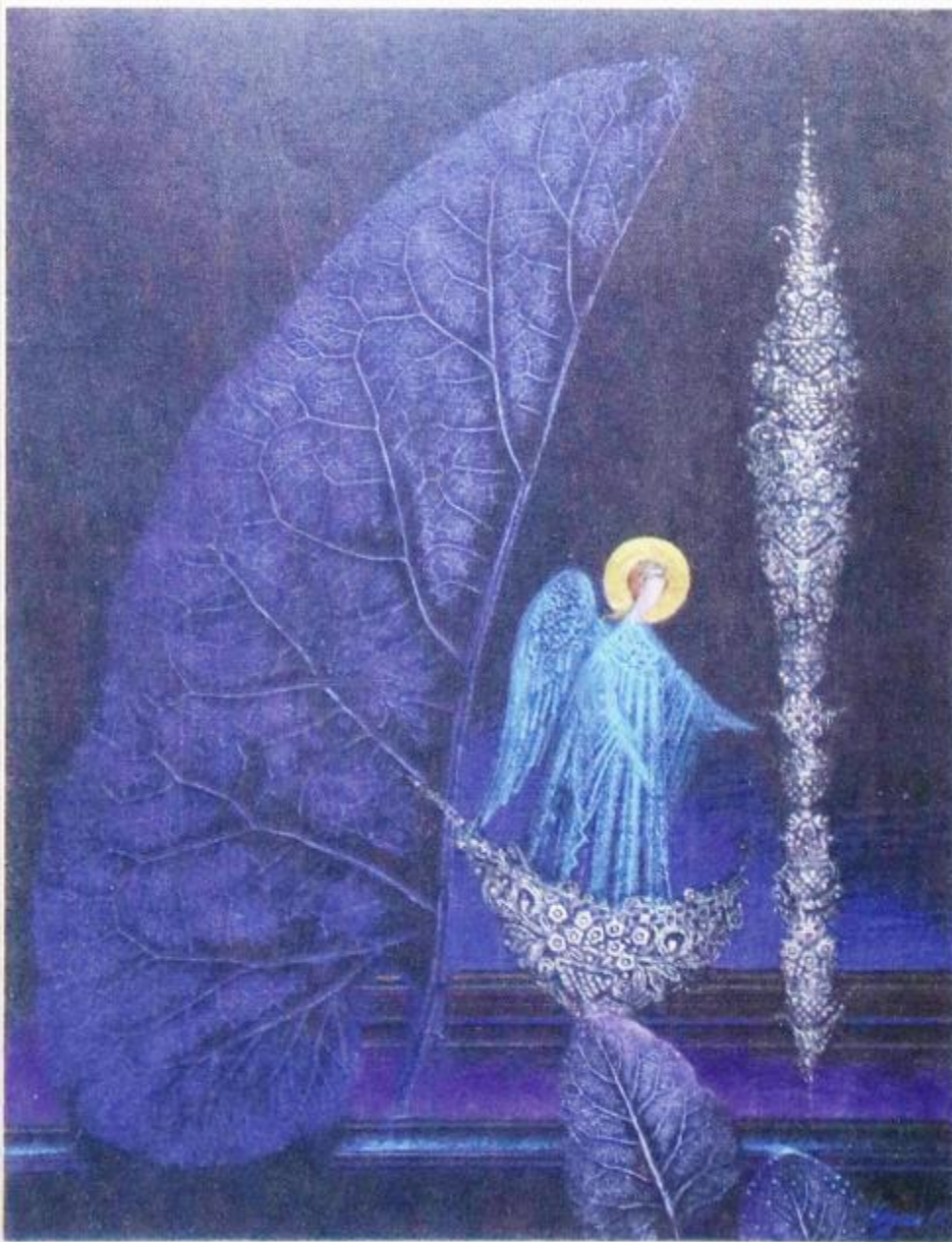
Многие из древних священнодействий, с точки зрения современника, трудно назвать праздниками, поскольку они исключают характер всеобщего торжества и веселья. Приподнятое настроение, воодушевление, просветленная радость не всегда были свойственными празднику чувствами. Такие архаические обряды, как погребение усопших, жертвоприношение, носили устрашающий характер, были полны драматизма, вызывали ужас и погружали в оцепенение. Как переход от одного времени к другому (в празднование нового года или смены сезонов), так и переход из одного состояния к другому (от жизни к смерти и наоборот) сопровождаются прикосновением к тайным нуминозным силам, несоизмеримым с нормальным существованием. Их мощь чрезвычайна и потому может оказаться разрушительной. Приближение к священному крайне опасно. Прикоснувшийся к невероятному источнику силы — осквернитель, он навлекает проклятия

и на себя, и на других. Не стоит забывать, термин имеет двойственное значение (sacer — «священный», но также «нечистый», «опасный», «оскверненный»). Поэтому празднество непременно должно включать ритуалы очищения. Любые манипуляции с огнем, например, факельное шествие, прыжки через костер, зажигание свечей, приобретают характер очистительных действий. То же касается воды, любое ее использование мыслится как очищение — омовение, опрыскивание и даже обливание (как это происходит во время индийского праздника Холи в честь Кришны, когда участники поливают друг друга окрашенной цветной водой).

Другим неперенным элементом праздника должны быть какие-либо действия, снижающие драматизм и тревожное напряжение, устраняющие ужас от встречи со священным. Похоже, пиршества и оргии как раз являют собой подобную компенсацию. По сути, оргии тоже есть имитация божественного поведения. Вседозволенность — только богам доступное качество, но в момент празднества допустимое и в мире людей. Обжорство, пьянство, эротизм древних праздников — доказательства причастности человека сакральному миру, демонстрация «возможности» стать богом, что символически реализуется ряжением и маскированием. Этот нахлынувший поток неупорядоченных, ненормативных поступков заполняет существо-

вание в дни празднеств, когда границы открыты. Так человек стремится почувствовать всю полноту бытия, известную лишь богам.

Довольно странный способ избежать воздействия потусторонних ужасающих сил, подражая им. Это явно оскверняющий тип поведения, который должен был бы по отрезвлению вызвать глубокое чувство вины. Но эти факторы не воспринимались как проявление низменных качеств, напротив, они связывались с очищением, обновлением, которое происходило в соприкосновении со священным. Древние сообщества изо-



Ю. Юдин. АНГЕЛ НА ВОДАХ. 2001

Сакральное и праздничное пространство

брили хитроумный способ, как предаваться разгулу и при этом чувствовать себя очищенными. (По принципу: нет греха — нет и очищения). М. Элиаде сообщает, что в дни празднования нового года в африканских обществах правителю полагалось совершать всевозможные прегрешения (вплоть до инцеста). Властитель являлся воплощением греховности всей общины. Затем грехи передавались жертвенному животному, умерщвляя которое общество очищалось от всех пороков. Подобный же обряд «отпущения козла» существовал у семитских народов. В этом случае чувство вины максимально ослаблено, поскольку жертвенное животное не убивают, а отпускают в пустыню (что, впрочем, равносильно смерти). Так сокрушительный прорыв сакрального оборачивается утрированием страстей, разрушением норм, буйством и безумием. Профанное же существование — упорядоченные серые будни, когда жизнь протекает в рамках установленных правил.

Поскольку праздники приурочены к определенным дням года, связаны с календарем, принято считать, что они ритмизируют время, функциональны для определения циклов. Но если задуматься, по причине явленности сакрального они, напротив, сообщают течению времени прерывистость, создают разрыв, отклонения в его линейном движении. Время словно спотыкается, приостанавливается, сбивается. (Вот почему после праздников очень трудно настроиться на обычный режим, это каждому известно). У архаических охотников не было однозначной привязанности к календарю. Поводом для обрядовых действий могли быть другого рода события: богатая добыча, или катастрофический недостаток пищи, эпидемия или выздоровление. Сакральное прорывалось вне расписания, неожиданно и пугающе. Может, поэтому традиционный быт архаичного человека столь упорядочен и нормативен: надо было минимизировать натиск сакрального. Его можно вынести в дозированных количествах, в условиях коллективной встречи, но не в одиночку, для чего и устраивали обряды. Недаром во многих культурах существовали запреты на приближение к культовым местам, вхождение в святилище храма. Жрецы и священнослужители исполняли роль посредника между людьми и богами, не допуская прямого контакта и диалога. Встреча со священным невыносима для обычного человека. Только специально подготовленный жрец, знающий как общаться с нуминозными силами, способен выдержать натиск и не быть раздавленным.

Праздник — выпадение из времени, потому является способом борьбы со смертью. Неумолимое время приводит к концу. По его воле все живые существа движутся к одной цели, одних оно приводит к пределу раньше, других позже. По этой причине в «Махабхарате» время названо убийцей. «Время уносит; Время бодрствует; непревосходимо Время» [Махабхарата 1982: 89]. В моменты праздников люди противятся его неостановимому течению. В сознании и языке возникла любопытная инверсия по поводу праздности, то есть, бездействия, когда не принято заниматься повседневно-

ными делами. В такой ситуации мы ищем способы, как «убить время», забывая о том, что оно убивает нас, а также о том, что близость сакрального сама по себе опасна и убийственна. Допуская его в свою жизнь, мы допускаем также чрезвычайные неупорядоченные силы, которые способны раз и навсегда уничтожить заведенный порядок. Обряды, с одной стороны, способствуют встрече со священным, но, с другой стороны, минимизируют его поступление. Они должны противостоять притягательности беспорядка, поэтому они, как правило, замешаны на страхе. Они должны продемонстрировать разрушающую мощь сакрального и доказать, что устоять можно, противопоставив нахлынувшему иррациональному потоку строгую упорядоченность, систематическую последовательность действий, событий, слов. Ж. Батай говорит о том, что для восприятия человека существует мир ясности, доступной и подвластной обыденности; и непроницаемый сакральный мир, где все лишено отчетливых очертаний, перед которым мы испытываем благоговейный трепет. «Вне всякого сомнения, все, что относится к священному, является притягательным и преисполнено непреходящей ценности, но в тот же миг оно же предстает во всей своей леденящей душу угрозе в отношении того безоблачного и безбожного мира, который и является прибежищем человечества» [Батай 2000: 34].

Праздники — время выпадения из обычной и упорядоченной человеческой жизни и уподобление образу жизни богов. Они препятствуют устроенному существованию и заставляют человека бездействовать (в смысле земного своего существования). Человеческое бытие в праздности сделалось бы невозможным. В обществе и культуре неизбежно должны были возникнуть механизмы, отвращающие человека от безделья и праздного времяпрепровождения. Не последняя роль отводится нуминозному чувству. Сакрализации подвергается то, чего следует избегать; то, что должно быть устранено за пределы обыденного существования. В этой ситуации становится понятна связь между сакральным и нечистым. Все то поведение, которое выходит за рамки нормального в человеческом бытии, выносится в сферу сакрального, становится запретным. Вседозволенность и непристойности в повседневности недопустимы и караются теми же нуминозными силами, чье воздействие может быть благим, но может и вредоносным (в случае неправильного поведения человека), что было эффективным регулятивным принципом для древних сообществ.

Обряды, продемонстрировав чудовищную силу сакрального, призваны поставить заслонки, перегородив его доступ во все дни кроме праздничных. Человеку лишь на один момент дается возможность испытать на себе насыщенную и богатую удовольствиями жизнь богов, но в то же время ставится табу на такое поведение, как нечистое. Если человек возомнит о себе, что ему дозволено то же, что богам, он окончательно лишит себя возможности после смерти приобщиться к сладостному существованию рядом с всевышними. Вероятно, древнейшие мифы о посмертном существо-

Сакральное и праздничное пространство

вании рисовали прекрасные картины загробного царства, наполненного удовольствиями. Отголоски представлений о наслаждениях, ожидающих в раю, сохранились в мусульманских верованиях: в райском саду царит приятная прохлада, а умершему в услужение предоставляется вечно юная прекрасная пери. В египетских воззрениях каждый умерший (если соблюдал правила при жизни) попадал в рай Осириса, где не было болезней, нищеты, голода, тяжелых налогов и поборов чиновников. Смертный, нарушивший правила, лишает себя благодного посмертного существования, но и при жизни навлекает на себя и близких несчастья, хвори и беды. Поэтому в сознании древних было ясное понимание того, что праздник не может длиться вечно.

Другое дело современность. Стремление приобщиться к образу жизни богов осталось (праздник — это роскошь, изобилие пищи и питья, зрелищ, ликования и радости). Но священный трепет ушел. Не потому, что большинство праздников утратили религиозную основу, превратившись в светские, а потому, что люди перестали нуждаться в сакральном, полагая себя всевышними существами. Они сами могут воздействовать на погоду (разгонять тучи над городом, чтобы дождь не омрачал праздника); менять течение времени, произвольно переставляя праздничные и будничные дни, передвигать сутки на час туда и обратно. (Египетские фараоны и то не обладали столь дерзкой гордыней, во время вступления на престол они давали клятву, что ничего не будут менять в календаре). Сохранив все элементы древнейших празднеств, в современных торжествах к ним прибегают в качестве зрелищных, декоративных деталей. Но архаическая семантика все же просматривается. Очищение имитируется фейерверками и салютами (чья функция должна была состоять в отпугивании злых сил). Теперь они превратились в роскошное визуальное шоу. Украшения (будь то дизайн улиц или одежды), тоже некогда выполнявшие роль оберегов, теперь имеют чисто декоративное значение. Конкурсы и состязания, приуроченные к празднествам, могут подытоживать профессиональные достижения (по итогам года выбирают и награждают лучшего); они могут устраиваться во время застолий, но могут проявиться в вырожденной форме уличной драки. При всех этих сохранившихся, хотя и трансформированных установлениях налицо явная подмена сакрального объекта. Вместо пения гимнов богам теперь в дни празднеств славословия возносятся в честь правителей, устроивших торжества, спонсоров, выделивших деньги. Новая обрядность нацелена на то, чтобы убедить человека в его могуществе, в его всевластии над силами природы. Новая обрядность нацелена на то, чтобы избежать сакрального.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батай Ж. Теория религии. Литература и зло. Минск: Современный литератор, 2000.

2. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2000.
3. Кереньи К. Элевсин: Архетипический образ матери и дочери. М.: Рефл-Бук, 2000.
4. Махабхарата. (Философские тексты). Изд. 2-е. Вып. VIII. Ашхабад: Ылым, 1982.
5. Мюллер М. От слова к вере. Вундт В. Миф и религия. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
6. Отто Р. Священное // Религиоведение. 2003. № 1. С. 113-128.
7. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 1. М.: Критерион, 2002.
8. Albert K. Vom Kult zum Logos: Studien zur Philosophie der Religion. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1982.

Надежда
Ильинична
КОНОВАЛОВА

МИФОЛОГИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается понятие «сакральное» в соотношении с понятием «священное» в свете стереотипов мифологических представлений русского этноса, находящих отражение в традиционной народной культуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

сакральный, священный, мифология, обряд, традиционная народная культура, русское языковое сознание.

Исследование представлений о сакральном содержании национальных языковых форм вызывает определенные трудности. В настоящее время понятие *сакральное* употребляется в самых разных контекстах, что свидетельствует о необходимости определить, прежде всего, суть данного феномена — того, что (перефразируя классика) «не дано нам в непосредственных ощущениях».

Можно выделить два основных подхода к определению понятия *сакральное*. В узком смысле оно связывается с понятиями «священное», «святое», «религиозное». При таком подходе все сакральное, в том числе и слово, рассматривается как составляющая почти любой религии или мистического учения [см., например: Гриненко 2000: 33-74]. При широком понимании феномена сакральное — это психологическая категория. Религия при этом является лишь системой управления сакральным, свойства